

В. С. Киселёв

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
«СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ
К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ»**

Форма альманаха только начала утверждаться в отечественной литературе после «Аглаи» (1794, 1795), «Аонид» (1796, 1797, 1799) и «Пантеона иностранной словесности» (1798) Н. М. Карамзина. Первые десятилетия XIX в. — время выявления её коммуникативно-повествовательных возможностей, экспериментов с содержательной организацией. В итоге из всех функций альманаха на первое место выдвинулись репрезентативная и ценностно-ориентирующая — доведение до читателя текстов данного круга авторов, формируемого по кружковому принципу или с прицелом на сложившуюся иерархию литературных авторитетов. Следствием такой коммуникативно-повествовательной структуры являлось отсутствие выраженного концептуального задания. Оно поглощалось репрезентацией текущего литературного творчества.

Для обретения программности требовалась дистанция вкупе с более строгими критериями отбора текстов. Так параллелью альманаха становился литературный сборник, имевший характер антологии. Этот тип сборника стремился к полному панорамному отражению избранной сферы литературного творчества, давая репрезентативный для определённого жанра набор текстов авторитетных авторов. Подобные издания, проникнутые духом универсализма, оказались самым значимыми, по ним судили о развитии отечественной и состоянии иностранной словесности — по «Собранию русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» (М., 1810—1815) В. А. Жуковского, по «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах / в прозе» (СПб., 1815—1817) А. Ф. Воейкова, В. А. Жуковского и А. И. Тургенева¹.

«Собранию стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814) в этом ряду принадлежит собственное значительное место — как благодаря важности осмысляемого события, Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., так и благодаря литературной репрезентативности: здесь были собраны едва ли не все современные поэтические отклики от Г. Р. Державина и В. А. Жуковского до малоизвестных литераторов-дилетантов. Между тем сборник не стоит причислять к продуманным и тщательно организованным антологиям, призванным донести до читателя лучшее и наиболее показательное в отечественной

¹ См. подробнее в нашей статье: Киселёв В. С. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» и альманахи-антологии начала XIX века // Русская литература. 2008. № 2. С. 3—15.

словесности. Его составитель, князь Николай Михайлович Кугушев (1777 — не ранее окт. 1825), проживавший после отставки из армии в Тамбове и в пригородном имении Знаменское, не принадлежал к литераторам первого ряда и не отличался ярким талантом, выступая как рядовой последователь школы Н. М. Карамзина. В один год с «Собранием» он выпустил в свет ещё и сборник собственных поэтических произведений «Праздное время инвалида» (М., 1814), также организованный как простая сводка стихов разного времени, частью уже опубликованных в журналах, частью новых². Для Н. М. Кугушева главным при составлении «Собрания стихотворений» были не чисто эстетические мотивы, которые определяли композицию и отбор в антологиях В. А. Жуковского и, позднее, А. Ф. Воейкова. Поэт-солдат и поэт-патриот желал в первую очередь сохранить в памяти читателя образ «незабвенного 1812 года», ещё вполне живой и порождавший множество ассоциаций.

Эта насыщенность и многообразие легче всего укладывались в сентиментальную форму «безделок» и «досугов» — типа сборника, имитировавшего естественную пестроту жизни, полного контрастов, переходов от жанра к жанру и от одной стилистики к другой³. Так, мы не найдем в «Собрании» какой-либо рубрикации, ни тематической, ни жанровой, ни по авторам, отсутствует здесь и упорядоченность хронологическая, по времени создания стихов или по смене их предмета — событий Отечественной войны и заграничных походов. Стихи идут сплошным потоком, как бы передавая безыскусную неупорядоченность самой действительности. Около 70 авторов, очень разных по художественным установкам и стилистике, 150 стихотворений, помещённых в сборнике фактически без редакторской обработки, порождают эффект мгновенного среза литературной жизни, ценного своим многообразием, пестротой и контрастностью.

Здесь мы встретим произведения убежденных архаистов, членов «Беседы любителей русского слова» (Г. Р. Державина, С. А. Ширинского-Шихматова, Н. П. Николаева), и приверженцев Карамзина, как старшего (сам Н. М. Кугушев, П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин), так и младшего поколения (В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, А. Ф. Воейков). Здесь есть столичные именитые авторы, петербуржцы и москвичи, и десятки провинциалов и дилетантов, вроде чиновника А. А. Никитина или купца И. В. Попова, а то и анонимных Калужского жителя (А. П. Степанова) и обитателя села Черная слобода (И. М. Коваленского). Произведения, крайне неровные по своему уровню — от новаторского «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского до эпигонских опусов вроде «Певца на гробах братьев-воинов россиян», идут здесь в калейдоскопической чередности стилистик и жанров — ода, «русская песня», элегия, шуточное стихотворение, подражание псалму, надпись к портрету, гимн, стансы и т. п.

² О Н. М. Кугушеве и его творчестве см.: *Кочеткова Н. Д.* Кугушев Николай Михайлович // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 197—198; *Дмитриев Л. А.* Кугушев Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 108—109.

³ См. подробнее о данном типе циклизации: *Киселёв В. С.* Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII — первой трети XIX века. Томск, 2006. С. 90—122.

Тем не менее сама тема произведений — грандиозное историческое событие — трансформировал тип «безделок», придавая хаотичности черты возвышенной значительности и даже монументальности. Это было общее направление в циклизации 1800—1810-х гг., искавшей интеграции в изображении одной жизненной сферы, в создании тематических подборок. Некоторые элементы подобной организации ощущались и в «Собрании», где, при отсутствии строгой архитектоники, был пунктирно намечен как жанровый принцип расположения текстов — от эпической оды в начале частей («Гимн лиро-эпический...» Г. Р. Державина) к россыпи малых жанров, в том числе игровых (надписи к портретам, эпитафии, акростихи), в конце. Последовательность произведений демонстрировала также и определённую привязку к хронологии Отечественной войны, хотя отступлений от неё не меньше, чем её соблюдения.

Тем самым можно определить «Собрание» как тематическую подборку стихов, заимствованных из журналов 1812—1814 гг. («Русский вестник», «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Друг юношества», «Чтения в Беседе любителей русского слова», «Санкт-Петербургский вестник») и отдельных публикаций, в первую очередь московских (малотиражные издания од, которых относительно немного). Их скрепляющим элементом выступает исторический контекст, живая память о недавних грандиозных событиях — вторжении неприятеля, первых поражениях и оставлении городов, приезде императора Александра в Москву и сборе ополчения, битвах под Смоленском, при Бородине, Тарутине, известии о смерти М. И. Кутузова, победоносных заграничных кампаниях. В определенном смысле «Собрание» можно воспринять как поэтическую хронику Отечественной войны: здесь нашли отражение не только большие, но и малые её эпизоды вроде присяги русскому императору дезертиров из испанского полка Жозефа Бонапарта, на которую отозвался Д. И. Хвостов («На присягу испанцев в Сарском селе»), или сюжет из времени визита Александра I в Москву, ставший источником «Стихов, написанных по прочтении письма преосвященнейшего Платона, при котором препровождён к государю императору образ преподобного Сергия, игумена Радонежского» С. Н. Глинки.

Те или иные события образуют в сборнике внутренние блоки — о сборе ополчения, о кончине М. И. Кутузова, о Бородинской битве и т. п. Однако их сближает не только предмет, но и его осмысление. Как справедливо утверждал А. Л. Зорин, «конверсия идеологических конструкций, созданных изящной словесностью, в собственно идеологическую риторику, по крайней мере, не более сложная задача, чем трансформация идеологических клише в поэтическую речь»⁴. В «Собрании» концентрированно, как ни в одном художественном произведении начала XIX века, отразилось идеологическое движение эпохи, подготавливающее и сопровождающее репрезентацию Отечественной войны в официальной идеологии и общественном сознании.

⁴ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 27.

В этом аспекте антологию можно назвать идеологической хроникой эпохи. В её стихах зафиксированы мгновенные отклики на многие высочайшие реяции 1812—1814 гг. Так, отзывом на именной рескрипт, данный председателю Государственного совета и Комитета министров графу Н. П. Салтыкову «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от российских пределов» стали «Стихи, писанные по прочтении в “Московских ведомостях” высочайшего рескрипта на имя графа Н. И. Салтыкова, от 13-го июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы» Г. Волкова. Они подхватывали центральный образ монаршего воззвания — лицемерие неприятеля и решимость сражаться за родину:

Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем ещё времени миролюбивых обещаний. И потому не остаётся мне иного, как поднять *оружие*, и употребить все врученные мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих *угрожаемы*, они *защитят* их с свойственною им твёрдостью и мужеством. *Провидение благословит праведное наше дело*. Оборона *Отечества*, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань. Я не положу *оружия*, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем (курсив мой. — В. К.)⁵.

Г. Волков развил эти мотивы в героико-одическую картину вероломного нападения французов и самоотверженной защиты Отечества его храбрыми сынами, сохранив ключевые слова рескрипта как организующий центр (курсив мой. — В. К.):

К *оружию!* к *защите*, россы!
Вам галлы гибелью *грозят*;
Готовьте громы смертоносны
И злобу отразите вспять;
Рассейте сонмы сих *лукавых*,
Коварство тщитесь истребить;
Защитник Бог всегда есть правых:
Мы пасть должны, иль победить!

<...>

Все части света полны славой
О ваших подвигах, делах:
Пойдете вы — и путь кровавой
Проложите в своих следах;
Взмахнете меч — тьмы целы лягут
Или рассеются, как прах...
И днесь нам россы, днесь докажут
Любовь к *Отечеству* в сердцах! (II, 4—5)⁶

⁵ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сборник документов. М., 1962. С. 14.

⁶ Здесь и далее цитаты из «Собрания» приводятся по изданию: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. М., 1814. В скобках после цитаты указывается номер части и страницы.

Подобная идеологическая хроникальность выступает принципом большого числа стихотворений, в ряде случаев демонстрируясь открыто, через заглавие. Таковы «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнаруженного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского, «Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытии его величества в Москву июля 12 дня» Н. П. Николева, «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С. Н. Глинки и «Стихи по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и в след за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го числ того же ноября» Б. К. Бланка, «Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни» Н. И. Язвицкого и ряд других. К ним примыкают стихи, в которых образы, словесные обороты и стилевые формулы прямо или с небольшой трансформацией заимствуются из реляций и манифестов.

Тон здесь задает уже первый текст «Собрания» — «Гимн лиро-эпический...» Г. Р. Державина, где мы найдем целый ряд отсылок к официальным документам, в том числе расшифровываемых самим автором в примечаниях. Например, комментарием «(12) Манифест об ополчении 6-го числа июля 1812 года» (I, 23) сопровождаются стихи:

Уже блаженств своих с одра
Россия внемлет глас царя,
Зовущего на ополченье (12). (I, 4)

Здесь же мы встретим упоминание о «реляции от 23 августа», «реляции от 27-го августа» (о Бородинской битве), о «журнале о военных действиях от 16-го числа октября» (о сражении за Малоярославец) (I, 27, 24). Не менее яркий образец представляют стихи составителя антологии Н. М. Кугушева, в частности «Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани», в которой перелагаются (с соответствующей отсылкой: «Слова высочайшего манифеста ноября 3 дня 1812 года») формулы официальной идеологии:

Во всей подсолнечной народы
Последний день своей свободы
В твоих все заревах почли... (I, 200)

В оригинале эти слова звучали следующим образом: «Весь свет обратил глаза на страждущее наше Отечество и с унылым духом чаял в заревах Москвы видеть последний день свободы своей и независимости»⁷.

Циркуляция подобных риторических формул между правительственными документами и художественными текстами, причем как в одном, так и в другом направлении (в случае, например «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского или «Освобождения Европы и славы Александра I» Н. М. Карамзина), делает на-

⁷ Высочайший манифест об изъявлении российскому народу благодарности за спасение Отечества // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 17—24. С. 146.

глядным процесс междискурсивного становления новой идеологической системы, призванной закрепить в массовом культурно-политическом сознании определённую интерпретацию событий Отечественной войны и заграничных походов⁸.

Контекстом её выступал процесс нациостроительства, порождённый внутренними потребностями имперской культуры, вступившей на путь модернизации и создания национального государства. Противоречивый процесс этнизации, общий вектор развития европейских империй XVIII — начала XIX веков, требовал выработки разветвлённых идеолого-символических систем, позволявших опознавать «своё», национально маркированное и работающее на консолидацию этнического «ядра» метрополии, и проводить различие с «другим», составляющим дальнюю или ближнюю периферию мира «нации-государства». В многонациональной России создание подобных идеологем, призванных сменить, а вернее дополнить, универсальные формулы лояльности царствующей династии, в эту эпоху только началось. Поиски национальных истоков, особый интерес к русской истории и традиционной допетровской культуре, формирование национального пантеона исторических и культурных деятелей — очевидные приоритеты поколения Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова, по-разному видевших направления имперской модернизации, но убежденных в необходимости консолидировать культурную и социальную элиту, укрепляя её национальное самосознание⁹.

Действенность идеологии «нации-государства» блестяще продемонстрировала революционная и наполеоновская Франция, сумевшая в сложнейших условиях не просто объединить население под лозунгами национального спасения, но и направить патриотизм, ощущение особой миссии нации на достижение экспансионистских целей. В Европе начала XIX века этот идеологический и политический импульс претворился в ряде специфических стратегий нациостроительства, в частности в немецком романтическом национализме, чьи концепции оказали глубокое влияние на сторонников государственной модернизации во многих странах¹⁰. При отрица-

⁸ См. о ней: *Предтеченский А. В.* Отражение войн 1812—1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. Т. 31. [М.,] 1950. С. 222—244; *Лотман Ю. М.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 601—611; *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980; *Зорин А. Л.* Указ. соч. С. 239—266.

⁹ См. постановку этой проблемы в работах: *Киселёва Л. Н.* Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807—1812): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982; *Киселёва Л. Н.* Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Учёные записки Тартуского университета. Тарту, 1985. Вып. 645. С. 3—20; *Зорин А. Л.* Указ. соч. С. 157—266; *Живов В. М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростовчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114—140.

¹⁰ Так, А. Л. Зорин отмечает влияние идей Ф. Шлегеля на становление модернизационной идеологической программы С. С. Уварова, а Е. Е. Земскова прослеживает рецепцию трудов Й. Г. Циммермана, Й. Х. Кампе и Э. М. Арндта в творчестве А. С. Шишкова и С. Н. Глинки:

тельном отношении к французской (эгалитаристской) версии подобной идеологии в целом она оказалась созвучна российской культуре, принявшей иной её вариант, когда опорой империи становится национально ангажированная дворянская элита¹¹.

События Отечественной войны 1812 г. выступили катализаторами процесса нациостроительства и рождения русского национализма, поставив перед общественным сознанием целый ряд проблем: новое понимание самодержавия, которое должно было приобрести национальную укорененность; преодоление или, по крайней мере, ослабление сословных перегородок, мешавших формированию единого национального целого; переосмысление статуса корпоративных социальных общностей, в частности, армии, подразумевавшее её превращение из самостоятельного института в часть национального организма¹². Литература эпохи в полной мере отозвалась на эти темы, став полем кристаллизации нового национального канона, призванного в наглядных сюжетах и образах солдат, полководцев, обычных мирных людей претворить идеал народного единства перед лицом врага — без различия сословий и занятий. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» предлагает в этом плане богатейший материал, ценный не только свежестью первоначальной, а значит эмоциональной, реакции, но и, благодаря внутренней пестроте, разнообразием идеологического видения. Монолитные идеологические формы Отечественная война приобретет значительно позднее¹³, и в антологии мы найдем, как в палимпсесте, наслоения разновременных, несходных в социальном и политическом плане и высказанных очень различающимися художественными языками идеологических конструкций. Важнейшей из них являлась категория нации — «русского народа», «россов», «русских», претерпевшая значительные видоизменения от июня 1812 до середины 1814 года параллельно с трансформацией официальной идеологической позиции.

Само понятие нации, пришедшее из Европы еще при Петре I, активизировалось в отечественном политическом дискурсе, как констатировал А. И. Миллер, только к 1820-м годам, конкурируя с понятиями народа, народности, национальности¹⁴.

Зорин А. Л. Указ. соч. С. 352—359; *Земскова Е. Е.* Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII — начале XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

¹¹ Последовательная история становления русской националистической идеологии в конце XVIII — первые десятилетия XIX в. еще не написана, хотя отдельные ее эпизоды анализировались в статьях и монографиях Дж. Л. Блэка, Р. Уортмана, А. М. Мартина, А. Л. Зорина, Л. Н. Киселёвой, В. М. Живова, М. Л. Майофис и ряда других ученых, а о необходимости её системного изучения ещё в начале 2000-х писал Р. Уортман в статье: *Вортман Р.* Национализм, народность и Российское государство / Пер. с англ. О. Майоровой // *Неприкосновенный запас*. 2001. № 3 (17). С. 100—105.

¹² См. о последнем аспекте: *Каменев Е. В.* Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.

¹³ Лишь к 1830-м гг. в обстановке юбилейных торжеств память о 1812 г. вполне соединится с программой уваровской «официальной народности» и предстанет как мифологическое воплощение семейного единства нации, о чем см.: *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 193—202.

¹⁴ *Миллер А. И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории*

Следы этого европейского генезиса вполне ощутимы в «Собрании», где слово *нация* использовано дважды и только применительно к французам или представителям армии Наполеона (курсив наш. — В. К.): «Бонапарте выпускает / Разных *наций* хилый сброд» («Песня к русским воинами, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым. Июля дня, 1812», I, 181); «Великой нации сыны непобедимы, / Победы, слава, спесь — в могиле сей лежат. — / — «Но кто ж их разгромил полки неодолимы?» — / Непобедимейших в лице гром, хлад и град!!!» («Надгробие французам на Руси»; II, 247).

В противовес ему слово *народ* использовано в стихотворениях антологии 164 раза, причем в большинстве случаев подразумевая русский народ. Заметим, что этническая семантика в этом обозначении находилась на периферии, а на первый план выходила историко-политическая сема «население империи». Составным элементом здесь выступала и коннотация подданничества династии Романовых и определенному императору. Подобное понимание концепта сформировалось еще на рубеже XVIII—XIX веков в обстановке повышенного интереса к национальной специфике — русской истории, языку, мифологии¹⁵. Но реальность литературно-научным построениям придали события 1812 года, заставившие осознать «народ» и его «русскость» как актуальную данность, как самостоятельный субъект военного и политического противостояния.

Это действенное начало существенно определило поэтику стихов «Собрания», в которой *народ* персонифицируется и наделяется голосом, чувствами, мыслями, поступками, что ощущается уже по заглавиям текстов (курсив наш. — В. К.): «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву» С. Н. Глинки и анонимная «Молитва русских при опоясании на брань», «Песнь русского воина перед сражением» Н. Ф. Граматина, «Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» Калужского жителя (А. П. Степанова), «Чувствования русского в Кремле» Д. П. Глебова, «Чувствования Россиянки, возбуждённые победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А. А. Волковой и др. Авторы и персонажи стихов выступают как представители огромного целого, слитого воедино органической общностью и допускающего легкую метонимическую замену: от имени народа может говорить любой — поэт, воин, житель тех или иных мест, город («Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесённые ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая сынов своих» М. А. Знаменского).

Российской империи (1700—1917). М., 2010. С. 42—66. Ср. также: Бадалян Д. А. Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века. СПб., 2006. С. 108—122.

¹⁵ См.: Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1960; Лотман Ю. М. Идеи общественного развития в русской культуре // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. IV. С. 27—83; Земскова Е. Е. Указ. соч.; Schierle I. «Vom Nationalstolz»: Zur russischen Rezeption und Übersetzung der Nationalgeistdebatte im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für slavische Philologie. 2005—2006. Vol. 64. P. 63—85.

Столь активная сила требовала своего места в круге официально признанных субъектов идеологии. И единственным путём здесь на первом этапе войны стало отталкивание от монархической модели. Только самодержец или лицо / сословная группа / профессиональная корпорация (армия, чиновничество), которым монарх делегирует часть своих полномочий, в отечественных идеологических представлениях XVIII — начала XIX вв. могли выступать полноценными актёрами на сцене политики и истории. Тем самым вхождение народа в идеологическое поле требовало легитимации со стороны императора, вызывавшего «россиян» на военное служение и передававшего им собственные прерогативы по защите Отечества. Так, в первом уже цитированном выше рескрипте от 3 июня 1812 года Александр I выступал как единственный субъект: «И потому не остаётся *мне* иного, как поднять оружие, и употребить все вручённые *мне* Провидением способы к отражению силы силою... <...> Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве *моём*»¹⁶. Однако уже здесь не удалось избежать обращения к народу, хотя и фигурирующего лишь как собственность монарха: «Я надеюсь на усердие *моего* народа и храбрость войск *моих*» (курсив мой. — В. К.)¹⁷.

В следующем манифесте от 6 июля 1812 г., написанном для императора А. С. Шишковым, одним из первых последовательных идеологов раннего русского национализма¹⁸, народ (пока в лице отдельных сословий) выступил как самостоятельный адресат монаршего внимания:

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему, Москве; а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдёт он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший Синод и духовенство! Вы всегда тёплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют¹⁹.

¹⁶ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 14.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Попов А. Н. Эпизоды из истории 1812 года. Граф Ростопчин — Сперанский — Шишков // Русский архив. 1892. № 8. С. 399—418; Martin A. M. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 15—38; Зорин А. Л. Указ. соч. С. 239—266; Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 19—92; Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 337—365.

¹⁹ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 15.

Народ здесь рисовался уже единой мощной стихией, слитно чувствующей и совокупно действующей, без неё высочайшая власть лишалась опоры, возможности полноценно противостоять врагу. Образ монарха тем самым включался в общую перспективу, будучи лишь символическим средоточием национального организма, недаром формулы единства (наш, нами) проходят лейтмотивом через весь манифест. Сюжеты, предложенные А. С. Шишковым, воскрешали в памяти и еще один важный мотив — выборность династии Романовых, которая после событий Смутного времени и польско-литовской интервенции получила престол совокупной волей народа и должна была дорожить семейственным единством с подданными (в отличие от самозванца Наполеона²⁰).

Риторика монаршего воззвания была подхвачена и воплощена в обширном ряде стихов «Собрания», в частности в «Чувствованиях верноподданного, возродившихся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского:

Сыны Отечества! внемлите,
 Что вам вещает царский глас;
 Делами самыми явите,
 Что дух геройской не угас;
 Пред целым светом оправдайте,
 Что в вас Пожарских кровь течет;
 С благословеньем приступайте,
 К чему вас долг и честь зовет!
 Спасать Отечество спешите;
 Оставьте жен, детей, родных,
 На поле ратное летите;
 Мечом врагов карайте злых,
 Пусть лесь коварная узнает,
 Колико страшен Россов гнев:
 Когда Отечество страдает,
 То и младенец — духом лев.
 Чего нам ждать? Мы ополчимся! (II, 7)

В особенности популярными стали в поэзии эпохи образы героев Смутного времени и ополчения 1612 года. Они появляются в «Гимне лиро-эпическом...» Г. Р. Державина, «Русской песне во время занятия Москвы неприятелями, посвященной любезным соотечественникам» А. А. Никитина, «Стихах на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского» С. Н. Глинки, «Солдатской песне» И. А. Кованько и многих других. Как указал А. Л. Зорин, активную разработку эти темы приобрели еще в 1806—1807 гг. в произведениях Г. Р. Державина, С. Н. Глинки, С. А. Ширина-Шихматова, М. В. Крюковского: «В написанных в эти месяцы

²⁰ См. о сюжете самозванства и его контексте в литературе 1812 г.: *Лейбов Р. Г.* 1812 год: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. (Новая серия). Тарту, 1996. Вып. II. С. 68—104.

произведениях писателям этого круга удастся предложить целостный набор идеологических метафор, разработать новую мифологию происхождения российской государственности, нащупать исторические аналогии для происходящих событий, поменять расположение фигур в национальном пантеоне»²¹. В годы Тильзитского мира сюжеты Смутного времени оказались временно невостребованными, но 1812 год придал им новую актуальность, особенно как напоминание о союзе народа и царя, совершившемся немногим менее двухсот лет назад.

Эту формулу семейной общности, также густо замешанную на риторике шишковского манифеста, выразительно рисуют «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвящённые его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» Д. П. Горчакова:

Усердье зря своих сынов,
Твой царь к ним нежность усугубит;
Он зрел в нашествие врагов,
Как росс своих монархов любит.
Он видел, как дворянский род
За веру, за царя, народ,
Взгорел простерть к оружию длани,
Презря жен, дочерей токи слез,
Именье, кровь на жертву нес,
Как к пиршеству, летел ко брани.

За ним сословья все вослед,
Горя единокдушным жаром,
Спешат на поприще побед
К врагу с решительным ударом;
Оратай, мещанин, купец,
Одним движением сердец
Карагь злодеев вружились;
Одним усердьем воспалась,
В сей горький для России час,
Отчизну защищать сдружились. (I, 80—81)

В развитии темы семейного единения скоро, однако, наметился внутренний дисбаланс, связанный с возможной расстановкой акцентов на монархическом или народном компоненте. В перспективе он породит раскол на официальную и декабристскую идеологическую версию Отечественной войны²². Первый вариант подразумевал полное подчинение нации воле императора и трактовку народной войны

²¹ Зорин А. Л. Указ. соч. С. 186.

²² О последней существует обширный ряд исследований: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 50—80; Яхин Р. Х. Политические и правовые взгляды декабристов Северного Общества. Казань, 1964. С. 17—43; Окунь С. Б. Декабристы. М., 1972. С. 5—26; Никандров П. Ф. Революционная идеология декабристов. Л., 1976. С. 11—39; Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 37—52 и др.

как жертвы за царя. Её предложил, в частности, С. Н. Глинка еще в августе 1812 г., отзываясь на идеологический жест Александра I в виде июльского посещения Москвы. Р. Уортман интерпретировал этот шаг как попытку императора использовать в кризисной ситуации ресурс национальных чувств, ярко воплощенных в «Воспоминании о московских происшествиях в достопамятный 1812 год от 11 июля до изгнания врагов из древней русской столицы» С. Н. Глинки (опубликовано в 1814 г.)²³. Стихотворным аналогом их явился «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву», где монарх представал в роли отца нации, попечителя и защитника своих подданных, отвечающих ему самоотверженной любовью (курсив автора — В. К.):

За тебя мы все молились:
«Господи! Царя спаси!
Им одним мы все живились;

Жизнь в царе нам принеси!»
Бог хранит нас всех тобою.
Ты изрек: *нам враг грозит!*
Все мы жертвуем собою;
Бог, сам Бог нас ополчит.

Ополчит!.. пусть враг трепещет;
За царя-отца идем!
Пусть из ада смерть он мечет;
Победим, или умрем! (II, 3)

Контекстом сюжетной ситуации «жертва за царя» также выступало значимое историческое событие эпохи Смутного времени — подвиг Ивана Сусанина, по легенде, пожертвовавшего собой ради спасения недавно выбранного царя Михаила Федоровича. Статью об этом сюжете, начавшем активно развиваться в литературе с 1800-х гг., С. Н. Глинка поместил в «Русском вестнике» в 1810 г., а в майском номере 1812 г. вновь его изложил в составе первой части «Опыта о народном нравоучении»²⁴. Сюжет «жертвы за царя» был неразрывно связан с концепцией патерналистской монархии, развиваемой С. Н. Глинкой, с её нерушимостью сословных границ и системой неотчуждаемых прав и обязанностей каждого сословия и корпоративной группы, гарантом чего являлся монарх — высшая, но неотрывная от целого часть общественной иерархии, подобной семье. Именно семейная модель общества составляла, согласно его взглядам, основу русского национального своеобразия²⁵.

²³ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. С. 286—292.

²⁴ См. о генезисе сюжета: Киселёва Л. Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279—303; Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. Т. 63. С. 186—204.

²⁵ См. о политико-социальной концепции С. Н. Глинки: Киселёва Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981.

В полном объеме патерналистскую концепцию популярного журналиста разделяли, конечно, не все русские литераторы, но её мотивы обнаруживаются в большом количестве текстов «Собрания», где император обычно предстал в образе отца (всего около 60 употреблений), как в стихах С. Н. Марина «Ода на победы над врагами», что свидетельствует об установлении прочной идеологической связи между самодержавием и представлением о нации:

Но может ли что нам злодейство,
Где весь народ — одно семейство
И царь где — подданным отец? (I, 72)

В свою очередь перенос акцента на монархическую легитимацию народной стихии приводил к метонимическому слиянию, в рамках которого заслуги по освобождению Отечества автоматически переносились с подданных на царя. Эта тенденция стала вполне очевидна уже к октябрю 1812 г., когда на волне военных успехов необходимость во всенародной защите Отечества стала менее острой, а затем и совсем пропала. Индикатором идеологической перемены здесь выступает не только смена официальной риторики, но и изменение жанрового состава стихов. Большая сосредоточенность на персональном аспекте — на образе императора, а также на образах полководцев, выступающих символическими субститутами монарха, — повышала актуальность жанра оды («Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П. В. Голенищева-Кутузова, «Ода на освобождение Москвы» И. И. Ламанского, «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, непрерывными поражениями его армии сопровождаемое» И. А. Кованько, «Ода на чудесные российские победы» М. И. Невзорова и др.) Влияние её поэтики чувствуется и в сентиментальных по генезису жанрах «чувствований», «песни», «гласа», «молитвы», стихов «на случай», доминировавших в начальный период войны²⁶. Одическая стилистика, предполагающая возвышение предмета, придавала образу царя всё больший героический ореол и способствовала в итоге новому витку сакрализации государственного начала — в противовес началу народному, отступавшему на смысловую периферию²⁷.

В период заграничных походов 1813—1814 гг. одический подход приобрел особую монументальность, оказав влияние даже на Н. М. Карамзина, который

(Ученые записки Тартуского университета. Вып. 513. = Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение). С. 52—72; *Martin A. M. The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's Russian Messenger (1808—1812)* // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 1. P. 28—49.

²⁶ См. об этом процессе в более широкой хронологической перспективе: *Вацууро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа»*. СПб., 1994. С. 154—156.

²⁷ См. о риторике 1812 г. как истоке новой сакрализации монархии: *Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths*. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1961. P. 128—136; *Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России* // *Языки культуры и проблемы переводимости*. М., 1987. С. 135—136; *Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка*. СПб., 1999. С. 99—110.

в «Освобождении Европы и славе Александра I» создал на основе ходовых риторических приёмов величественную панораму падения Наполеона и возвышения российского монарха²⁸:

В сем общем, радостном волненье,
Царей, героев прославление,
Чьё имя первое в устах?
Кому гремят Вселенной лики?
Без лести в искренних хвалах
Дают название: *великий!*
Отечество мое! Ликуй
И с Александром торжествуй! (II, 214—215, курсив автора — В. К.)

Не остались в стороне и представители младшего поколения карамзинистов — А. Ф. Воейков («К Отечеству», «Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому»), В. А. Жуковский («Князю Смоленскому»), П. А. Вяземский, чья «Надпись к портрету Александра I» позднее выступила предметом иронического переосмысления арзамасцами за свою высокопарность:

Муж твёрдый в бедствиях и скромный победитель,
Какой венец ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! Пади пред ним: он твой спаситель!
Россия! Им гордись: он сын твой, он твой царь! (II, 221)

В произведениях литераторов второго ряда сотериологическая сакрализация монарха приобретала уже гипертрофированные черты²⁹, как в надписи Ф. Ф. Кошкина «К изображению беспримерного во владыках Александра I»:

Боголюбивый царь и царь, любимый Богом,
Блаженства, славы нам ниспосланный залогом,
Освободивый днесь полсвета от оков!
Ты выше всех похвал, ты выше всех венцов!
Тебе бы древний мир храм божеский поставил,
И гимнами тебя, как божество, в нём славил;
Но царь наш, наш герой, в смирении велик:
Живет в сердцах — в хвалах и нужды не имеет:
Дела его гласить и Пиндар онемееет;
И хижина есть храм, где Александра лик! (II, 222)

Тем не менее, будучи вызвана к жизни и обретя хотя бы временную монархическую легитимацию, концепция нации как единого и действенного начала уже не

²⁸ См. также о его замыслах обобщающего труда по истории войны 1812 г.: *Пигарев К. В.* Неосуществлённый замысел Карамзина // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 293. Ср.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 162—163.

²⁹ См. подробнее: *Давыдова [Пастернак] Е. Е.* Образ Александра I в русской литературе его времени (1777—1825): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

могла потерять актуальность, особенно на фоне сбора ополчения и развернувшейся партизанской войны. Причём если первый происходил с санкции императора, то вторая была событием стихийным и не поддающимся строгому контролю. С точки зрения власти, даже ополчение мыслилось мерой вспомогательной и временной, охватывающей лишь узкую часть населения в некоторых губерниях, о чем гласил манифест от 18 июля 1812 г.:

Вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения Отечества. Каждый из военноподданных и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды, и по прошествии надобности, то есть, по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям³⁰.

Однако развернувшееся общественное движение превратило ополчение из под ручного средства армии в символ всей Отечественной войны, в наглядную репрезентацию общей судьбы и единой воли всего народа. Знаменательно, что именно в духе этой риторики докладывал императору генерал-адъютант Ф. О. Пауллуччи уже 26 июля 1812 г. «По велению Вашего Императорского Величества ознакомился с организацией Московской военной силы, которая мне показалась не только соответствующей духу и характеру нации, но и вполне способной выполнить своё назначение <...>» (курсив мой. — В. К.)³¹.

В «Собрании» можно выделить целый блок стихотворений, посвящённых как правительственному манифесту об ополчении, так и участию ополченцев в военных действиях. К числу первых, в основном воспроизводящих официальную риторику и круг сюжетов (Минин, Пожарский, жертва за царя), относятся «Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества июля 15 дня 1812 года» Н. М. Кугушева, «Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15, 1812 года», «На манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года» и «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С. Н. Глинки и некоторые другие. Вторые гораздо более разнообразны и рисуют ополченцев как самостоятельную патриотическую силу, выражающую волю нации («Песнь соотечественникам по прогнанию злодеев из земли русской» А. А. Никитина, «Солдатская песня» И. А. Кованько и Н. И. Ильина, «Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани» Н. М. Кугушева, «Песнь русского воина перед сражением» Н. Ф. Грамматина, «На возвращение ополчения» Д. И. Хвостова, «Песня ратников Санкт-Петербургского ополчения» М. С. Шулепникова и др.). Тема национального сопротивления возвышается здесь нередко до утверждения равенства царя и народа, как в «Любви к Отечеству» А. А. Писарева:

³⁰ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 16.

³¹ Там же.

Успех во всем, коль свято чтимы
 Права граждан, народов честь;
 Коль власти истиной водимы,
 Коль трону предстоит не лезть,
 Но верных груди для защиты,
 Не гнувших выи под ярем...
 Цари народом знамениты,
 Народ блажен царем! (II, 48—49)

А. Х. Востоков в дифирамбе «К россиянам» не менее высоко ценит подвиг защитников Отечества, делая их символом нации наряду с императором и его полководцами:

Но изочту ль вас всех, герои знамениты,
 Которыми враги отражены, разбиты,
 И коих доблестью Россия спасена?
 Священны ваши имена
 У благодарного останутся потомства. (I, 105—106)

Снятие границ между ополченцами и регулярной армией, нужно заметить, — характерная черта общественного сознания и литературы 1812 г. Массовое участие представителей различных сословий в военных действиях размыло корпоративную замкнутость офицерства, обнаружившего, в свою очередь, прямую сопричастность уже не столько с властью, чей базой и кадровым резервом было со времен Петра I³², сколько с обществом. Это в полной мере ощутили офицеры, вынужденные включиться в стихийную партизанскую борьбу, где приходилось устанавливать контакты с населением. В результате, как писал позже Д. В. Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года», «я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком черни, но приравниваться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным»³³. Но даже не при столь радикальном подходе восприятие себя частью нации, выполняющей общую миссию со всем народом, было, безусловно, присуще офицерам и солдатам 1812 года³⁴, также как и соответствующее отношение к армии у невоенного населения, выразившееся в «Чувствованиях россиянки, возбужденных победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А. А. Волковой, в анонимном «Певце на гробах братьев-воинов россиян», «Песне к русским воинам» Н. Остафьева, «Чувствованиях калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» Калужского жителя (А. П. Степанова) и др.

³² См.: *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000. С. 230—231.

³³ *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Проза. *Дурова Н. А.* Записки кавалерист-девицы. М., 1987. С. 192.

³⁴ См.: *Целорунго Д. Г.* Русские офицеры — участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М., 2001.

Из коллективного образа армии выделялись индивидуальные портреты, очень скоро начавшие складываться в новый национальный пантеон героев во главе с М. И. Кутузовым. В них уже нельзя видеть проекции исключительно государственной миссии, отблеска монаршей славы, они воплощали черты общей судьбы и национального характера. Подобные персональные блоки легко вычлениаются в «Собрании» применительно к М. И. Кутузову, получившему знаменательное имя «спасителя Отечества», М. А. Милорадовичу, П. И. Багратиону, П. Х. Витгенштейну, А. И. Кутайсову, Я. П. Кульневу, Н. Н. Раевскому, но, пожалуй, самый совершенный и художественно убедительный образец пантеона героев 1812 года создал В. А. Жуковский в «Певце во стане русских воинов», окружив его символикой национального единения и интимно-лирически акцентировав основные компоненты национального сознания: память предков («Сей кубок чадам древних лет! / Вам слава, наши деда!» I, 39) и герои-защитники нации (Святослав, Дмитрий Донской, Петр I, Суворов), малая родина, семья, дом («Отчизне кубок сей, друзья! / Страна, где мы впервые / Вкусили сладость бытия...» I, 41), отечественная литература («Сей кубок чистым музам в дар!» I, 53). В подобном контексте куплетно раздвигающийся ряд здравниц во славу живых и павших воинов-героев становился основой нового национального канона, источником нарождающейся исторической мифологии³⁵.

Идеологический фон её составляет картина всеобщего героизма русских, жертвующих своим имуществом, домом, семьей и жизнью во имя спасения Отечества. Рассказами подобного рода полнились журналы 1812 года. Так, в «Русском вестнике» С. Н. Глинки прославлялись многочисленные случаи патриотического самопожертвования: «Усердие русского купечества к военным служащим» (1812. Ч. 19. № 9), «Подвиг смоленского дворянина Петра Николаевича Клочкова», «Пожертвование и великодушное терпение смоленского дворянина и отца семейства Николая Михайловича Калячитского» (там же), «Верный смоленский служитель Давид Алексеев» (все — 1812. Ч. 20. № 10) и т. д. Не меньше таких сюжетов предлагал «Сын Отечества» Н. И. Греча, где мы найдем, например, рассказ о капитане Р. И. Захарове (сражался под Бородиным), который, будучи раненым, отослал на линию огня двух несших его канониров («Вы там нужны, а меня и двое как-нибудь доволокут!»; 1812. Ч. 1. № 4. С. 167), или о раненом гренадере, не понимавшем, почему лекарь шупает ему спину («...ведь я шел грудью!»; 1812. Ч. 2. № 8. С. 83).

В «Собрании» стихов о личном героизме было не меньше. Тот же Р. И. Захаров удостоился героической эпитафии А. П. Буниной «На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова»:

³⁵ См. подробнее об идеолого-историческом смысле «Певца»: Лотман Ю. М. Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли; Янушкевич А. С. Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Вып. 9. Томск, 1983. С. 3—23; Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. Стихотворения, 1797—1814. М., 1999. С. 595—605 (примечания А. С. Янушкевича).

Узря простерта на плаще меня,
 Не сетуйте, родители любезны!
 И мрачну горесть прогона,
 Отрите токи слезны!
 <...> Днесь к Богу отошел
 Принять за подвиг мой награду.
 А ты, о юный друг моей души!
 Оставшемусь тебе в отраду
 Младенцу нашему внуши,
 На ранню указав мою могилу:
 Сколь сладко смерть вкусить за родину нам милу! (I, 246—247)

Еще более колоритный эпизод вызвал к жизни «Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгарда и Шубина и на монаршие щедроты, излианные на них» А. И. Писарева. В «Сыне Отечества» за 1813 г. (Ч. 3. № 4. С. 195—195) описывалась героическая смерть подполковника Павла Энгельгарда, не покинувшего своё поместье под Смоленском после вторжения французов и организовавшего партизанское сопротивление, за что он вместе с коллежским асессором Шубиным был судим и казнен, не выказав страха даже в последний момент. Подвиг их был замечен и награждён императором Александром, о чем гласил указ Сенату, напечатанный в том же «Сыне Отечества» (1813. Ч. 9. № 40. С. 81—82).

Сыны Отечества, защитники державы!
 Се подвигам пример, щедротам образец!
 Воззрите: Энгельгард, ревнуя вечной славы,
 За Отечество вкусил страдальческий венец;
 Ни улещения, ни вражески угрозы
 Не в силах Шубина к измене преклонить:
 Все муки — радости, и терния — им розы —
 За веру и царя поклявшись кровь пролить.
 Отечество заслуг толиких не забудет,
 Скрыжаль потомственна сих дел не умолчит;
 Семейство и родня их славою жить будет,
 Признательный монарх героев вновь творит... (I, 237)

В совокупности эти материалы журналов, а в «Собрании» — стихи о подвигах россиян разных сословий от дворян-полководцев до купцов и мещан создавали образ единой патриотически настроенной нации, не учитывая который официальная идеология уже не могла. И действительно, уже в манифесте от 3 ноября 1812 г., составленном А. С. Шишковым, народ представлен главным деятелем войны, защитником Отечества:

Внимая с отеческим чадолубием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных наших верноподданных, в начале приносим мы тёплое и усердное благодарение источнику и подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом, торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность нашу всем нашим

верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения и главною частию или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почётное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ — мещанство и крестьяне — показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твёрдая грудь их и смелая рука с тою же неустрашимостью расторгала полки неприятелей, с какою за несколько пред тем недель раздирала плугом поля. <...> Между тем, почитаем за долг и обязанность сим нашим всенародным объявлением изъявить пред целым светом благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу российскому³⁶.

Тем не менее, как констатировал Р. Уортман, «обстоятельства, заставившие самодержавного монарха вступить в союз с народными массами, поставили его лицом к лицу с проблемой примирения самодержавного правления с принципом верховной власти народа. Включение народа в императорский сценарий угрожало образу царя как высшей силы, дарованной её носителю извне или свыше и санкционированной иноземным влиянием, божественным соизволением или, наконец, разумом. С социальной точки зрения невозможно было представлять народ в качестве движущей силы истории в сценарии, прославлявшем власть монарха, как идеализацию правящей элиты»³⁷. Этот идеологический диссонанс был устранён достаточно быстро, уже к концу 1812 — началу 1813 года, когда война из народной и оборонительной превратилась в наступательную и «профессиональную». Это вернуло в центр внимания образ императора. Смерть М. И. Кутузова, «спасителя Отечества», 16 апреля 1813 года еще более способствовала концентрации сотериологического дискурса на Александре I, который в ходе заграничных походов становился уже не столько главой нации, сколько освободителем европейских народов, новым светочем христианского мира.

Индикатором этой перемены служит в поэтическом плане трансформация мотивного пласта, связанного с библейской семантикой. Она активно моделировала репрезентацию событий Отечественной войны³⁸, однако до 1813 года в основном сосредотачивалась вокруг сюжета об избранном Богом народе и его борьбе против оккупантов-иноверцев («Молитва израильского народа во время нашествия Сенахеримова воинства на Иерусалим» Н. М. Шатрова, «Песнь на поражение галльского фараона, посвященная знаменитому покровителю сочинителя, его превосходитель-

³⁶ Высочайший манифест об изъявлении российскому народу благодарности за спасение Отечества // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 17—24. С. 146.

³⁷ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 295.

³⁸ См.: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 89—99; Парсамов В. С. Библейский нарратив войны 1812—1814 годов // История и повествование. М., 2006. С. 100—121.

ству, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову» А. Урываева, «Стихи в день Богоявления Господня» А. Кулакова, «На совершение истребления неприятельских войск в пределах России: Подражание 78 псалму» А. А. Писарева и др.). Подобные мотивы легко сочетались с изображением патриотического подъема и общенационального подвига, причём не только в светской литературе, но и в церковных проповедях, выполнявших в 1812 году роль средств коммуникации и мобилизации необразованного населения империи³⁹. В их контекст органично включался и образ императора, выступавший водителем и спасителем избранного народа (Моисей, Давид).

Настал ужасный час отмщенья!
Уже врагам Ты казнь изрек,
И наших стран для защищенья
Меч правосудия извлек;
Послал на землю серафима
Внушить царю Ерусалима
К оружию народ воззвать,
Составить грозные дружины
И под щитом Твоей судьбины
Сразить иноплеменну рать. (I, 62)

Однако новая идеологическая ситуация, связанная с заграничными походами, потребовала уже не национальных, а универсальных образов, снимавших, в том числе, и акцент с народных заслуг по освобождению отечества и переносивших его на безличный Божественный Промысел — и императора как помазанника Божия и исполнителя Его воли. В официальном дискурсе подобная трансформация свершилась уже к рождеству 1812 г. в манифесте об изгнании французов из России, где утверждалось:

Зрелище погибели войск его невероятно! Едва можно собственным глазам своим поверить. Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующего над войсками нашими знаменитого полководца, принёсшего бессмертные Отечеству заслуги; ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием; ни вообще у сего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом деле сем промысел Божий. Повергнемся пред Святым его Престолом, и видя ясно руку его, покаравшую гордость и злочество, вместо тщеславия и кичения о победах наших научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли исполнителями...⁴⁰

³⁹ См. подробнее: *Мельникова Л. В.* Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. М., 2002.

⁴⁰ Манифест о принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского // Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. СПб., 1912. С. 15—16.

Пройдя через многие правительственные реляции, формула божественного спасения, для которого и народ, и армия, и император выступали лишь орудиями, нашла свое каноническое закрепление в «Рассуждении о нравственных причинах невероятных успехов наших в войне с французами 1812 года» московского архимандрита Филарета (В. М. Дроздова). Эта концепция прокладывала путь к идеологии Священного союза, начавшей подспудно складываться уже к 1813 году⁴¹.

Вне нового контекста не осталась и литература, где образ Божественного щита, спасения избранных, присутствовал с первых дней войны. В период заграничных походов он приобрел доминирующий характер, соединившись с образом Александра-Мессии, как в «Оде на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П. В. Голенищева-Кутузова:

Царь россов! Царь сердец полсвета!
Ты наших радостей вина:
Не Ты ли мудростью совета
Прославил наши знамена?
<...> Тобой Европа ограждена
Избегнет козней и коварств;
Тебе самим Творцом врученна
Судьбина и царей и царств;
<...> Россия, Богом ограждена,
Пред ним колена преклони!
Ты им избавлена, спасенна,
Ты им вкушаешь сладки дни;
Ты паки шествуешь к покою;
Низвержен враг его рукою.
Не Бог ли стер кичливый рог?
Не он ли слезы отирает?
Не он ли россов утешает?
Благословен Господь наш Бог!! (I, 31—32, 33)

Так завершился первый цикл вхождения в отечественную идеологию и литературу представления о нации, вначале мощно заявившего о себе на волне патриотического подъема и набравших силу националистических устремлений, но потом вынужденного уступить консервативной традиции имперского дискурса, обогатившегося в послевоенные годы символикой христианского универсализма.

⁴¹ См. о ней: Зорин А. Л. Указ. соч. С. 267—296; Майофис М. Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008. С. 691—725; Ghervas S. Reinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance. Paris, 2008.